

Г. В. Кретинин

ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1945 – 1960)¹

Исследованы вопросы зарождения исторической памяти у первых жителей Калининградской области, деятельность административных органов по выявлению и постановке на учет памятников истории и культуры. Показаны противоречия в политике органов государственной власти по отношению к культурному наследию.

The paper analyzes the development of historical memory in the early Kaliningrad region and the activities of regional administration aimed at identifying and registering monuments of history and culture. The author stresses the contradictions in cultural heritage policies pursued by the authorities.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Калининградская область, памятники, историческая память.

Key words: East Prussia, Kaliningrad region, monuments, historical memory.

Естественным рубежом в изменении ландшафта памяти на территории Восточной Пруссии стал 1945 год. На него повлияла смена носителя культурной памяти, а также массовые разрушения в ходе войны историко-культурных объектов, иные идеология, культура, утверждавшиеся в новой российской области, другие традиции и обычаи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945 – 2015 гг.)» №15-21-06002а(м).

Формировавшаяся историческая память в регионе требовала материализованных свидетельств различных событий. Как ни странно это звучит, но примером в этом послужили предшественники калининградцев: власти и жители восточнопрусской провинции Германии.

Памятники выдающимся деятелям прошлого, например, стали появляться в Кёнигсберге еще в XVIII в., более активно — в XIX в. Классическим примером является установка памятников первым прусским королям Фридриху I и Фридриху Вильгельму I [10, S. 11, 76]. Затем появились, причём не только в Кёнигсберге, но и в других населённых пунктах провинции, памятники известным политикам, общественным и военным деятелям, представителям культуры и искусства, участникам значимых исторических событий (наполеоновская кампания, война с Францией 1871 г.) и т. д. В XX в., особенно в межвоенный период, памятники и памятные знаки, посвященные Первой мировой войне, стали одним из средств не только сохранения исторической памяти, но и идеологического влияния на сознание населения. Практически в каждом населённом пункте были установлены валуны, обелиски, даже монументы с надписями, свидетельствовавшими о том, что жители провинции внесли достойный вклад в дело защиты своего Отечества в 1914—1918 гг.

Процесс формирования исторической памяти калининградцев, так называемых «мест памяти» с самого начала начал конфликтовать с исторической памятью довоенного населения.

На мировоззренческом уровне все было определено однозначно: провинция — часть фашистской Германии, нанесшей огромный ущерб советскому государству, его экономике, уничтожившей миллионы советских людей. Германия должна была нести ответственность за содеянное. Отсюда и Нюрнбергский процесс, и раздел Германии, и репарации, и переселение немцев и т. д. Однако все это было далеко от простого, человеческого восприятия происходившего. Именно на таком уровне непосредственно возник конфликт нацистской и советской культур. Нацистская была определена как человеконенавистническая, советская — как светлая, жизнеутверждающая. Черное и белое, полутонов не существовало.

Проявление этих процессов в жизни отразил в своем мемуарном романе калининградский писатель Ю. Н. Иванов. Вошедший с советскими войсками в поверженный Кёнигсберг 17-летний юноша остался в этом городе, здесь закончил школу. Десятиклассником принял участие в организации пространства, формирующего новую историческую память. Будущий писатель с товарищами непосредственно помогал демонтировать немецкие памятники «всяких там королей, герцогов и прочих». Казалось бы, вся понятно: в памяти еще свежо было воспоминание о ленинградской зиме, когда он, мальчишка, хоронил свою бабушку во рву. А здесь — символы «германского реваншизма» [1, с. 177—182]. И все же внутреннего согласия с проводимой акцией у него не возникло. Космополитические взгляды на культуру проявились в творчестве писателя.

Конечно, присутствие в 1945–1946 гг. в Кёнигсберге и других населенных пунктах провинции преимущественно военного населения, то есть людей, прошедших военными дорогами и видевших все ужасы войны, не могло не сказаться. Эмоционально-негативное восприятие окружающей действительности явно превалировало в первые месяцы и даже годы новой жизни. Немецкие памятники, устоявшие под бомбежками английской авиации и уцелевшие во время штурма города в апреле 1945 г., практически были обречены.

Формирование собственной исторической памяти у нового населения региона начиналось практически с нуля. Точкой отсчета считается первый советский монумент, открытый в Кёнигсберге 30 сентября 1945 г. и посвященный погибшим участникам его штурма (сведение о том, что монумент появился в 1946 г. [4, с. 119], является ошибочным; см. об этом: [2, с. 117]).

В это же время по всей территории области шло упорядочение захоронений советских воинов, павших в ходе боев в Восточной Пруссии в 1944–1945 гг. Эта обязанность была возложена на военные комендатуры, представлявшие собой единственные органы власти во вновь образуемой советской области. Возможности комендатур были ограничены: их малая численность, недостаток строительных материалов, специалистов, особенно в удаленных от Кёнигсберга местах, не позволяли изначально создавать достойные совершенному подвигу памятники. Как правило, это были деревянные сооружения, максимум – из кирпича. Наиболее значимыми кроме мемориала в Кёнигсберге (Калининграде) стали памятник в Черняховске по проекту архитектора О. Н. Закаменного, установленный в 1949 г.; памятник И. Д. Черняховскому, установленный там же в 1948 г.; деревянный обелиск на территории совхоза № 19 в Чистопрудненском сельском совете Нестеровского района, установленный в 1945 г.; кирпичный обелиск близ Гвардейска, установленный в 1947 г. В 1948 г. был возведен «кирпичный цементированный обелиск» в Нестерове, в 1949 г. такой же обелиск был сооружен в Багратионовске. Выделялся только памятник в Советске, где в 1948 г. на верхнюю часть четырехугольного гранитного постаменты был водружен танк Т-34 [9, л. 158–161].

Подобные памятники появились и в других городах, районных центрах и крупных населенных пунктах области. Укрупнить захоронения сразу не удалось, и этот процесс затянулся надолго. Вновь возведенные памятники, выполненные, как правило, из подручных материалов, естественным образом ветшали, и лет через десять основная часть их потребовала реконструкции, ремонта и нового укрупнения.

При ликвидации последствий войны перед страной встала проблема обеспечения сохранности, содержания, реставрации и использования памятников истории и культуры. В октябре 1948 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [3]. Этим документом вводилось в действие Положение об охране памятников культуры. В нем определялось, что охране подлежат памятники архитектуры, памятники искусства, памятники

археологии и памятники исторические. Советы Министров союзных республик обязывались в течение 1948–1949 гг. провести учет всех выявленных к этому времени памятников, подлежащих внесению их в государственные списки памятников культуры.

В Калининградской области к реализации Постановления Совета Министров СССР приступили с февраля 1950 г. Постановление было подписано И. Сталиным, и реагировать на него надо было соответствующим образом: истекал отведенный для этого срок.

Исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся принимает решение о проведении паспортизации и охране всех четырех категорий памятников. По сути это был первый нормативный документ, которым регламентировалось правовое положение памятников истории и культуры на территории области. В пункте 3 указывалось, что все памятники, «имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и находятся под охраной государства» [8, л. 156–157].

При подготовке этого решения выяснилось, что по данным областного отдела культурно-просветительных учреждений в соответствии с правительственным Постановлением в государственные списки памятников культуры общесоюзного и республиканского значения кроме 10 памятников павшим советским воинам предлагалось внести всего два довоенных памятника (в списке так и указывалось: «установлен немцами»): «Монумент Барклаю-де-Толли» и «Могилу немецкого философа Э. Канта» [9, л. 162].

Упоминание в решении облисполкома имен российского полководца и одного из предтеч марксистско-ленинской философии стало своего рода созданием прецедента по изменению идеологических подходов к прошлой истории региона.

Ситуация складывалась противоречивая. С одной стороны, руководство области получило конкретный документ, которым регламентировалась деятельность по охране памятников истории и культуры. С другой — «собственных», советских памятников, особенно архитектуры и скульптуры, еще не появилось. Между тем в Калининграде и области сохранялись здания, сооружения, памятники, которые могли быть «взяты под охрану».

Естественно, облисполком не мог самостоятельно принять решение о сохранении немецких памятников культуры и истории. Еще в декабре 1949 г. заместитель председателя облисполкома В. Кролевский, обращаясь с письмом к секретарю областного комитета ВКП (б) В. Щербакову, особо выделил в проекте решения фразу «об учете и охране исторических памятников в Калининградской области» и попросил дать на этот счет «указание облисполкому». Проект решения рассматривался в обкоме партии около трех месяцев. Согласие В. В. Щербакова с лаконичной визой «за» было получено только 23 февраля 1950 г. [5, л. 163].

Тем временем конфликт «мест памяти» продолжался, несмотря на указания из Москвы об изменении отношения к сохранившимся после войны памятникам. В частности, 15 июля 1950 г. по решению председателя исполкома Ленинградского района г. Калининграда сборщиками металлолома была сброшена с пьедестала и разрушена «бронзовая

конная статуя» прусского короля Фридриха Вильгельма III, располагавшаяся перед руинами здания университета. Вышестоящий орган власти — исполнительный комитет Калининградского городского совета депутатов трудящихся — не одобрил разрушение памятника, прямо констатируя, что оно было произведено «в нарушение существующего Положения о порядке охраны и снятия памятников». Однако решение районного руководителя по сути осталось без последствий. Ему было «указано на самовольные непродуманные действия», кроме того, он был предупрежден, что за самовольство в дальнейшем может быть привлечен к более строгой ответственности [6].

Следует заметить, что реализация правительственного Постановления о сохранности памятников затруднялась отсутствием системной информации, специалистов, соответствующих структур, которые могли бы аккумулировать сведения историко-культурного значения, вести исследовательскую и просветительную работу не только в целях идеологического противостояния, но и для познания края, в котором волею судеб оказались его новые жители. Значительно затруднялась и деятельность самих административных органов, на которые возлагалась эта работа. Достаточно сказать, что выявлением, учетом и контролем за сохранностью памятников на областном уровне занимался всего один сотрудник — Ф.Л. Лавренков, предпринявший попытку составить перечень памятников истории и культуры Калининградской области [4, с. 106].

За последующие десять лет (1950–1960) облисполком был вынужден четырежды (в 1956, 1957, 1959 и 1960 г.) обсуждать и принимать меры по улучшению состояния дел с охраной памятников. Анализ материалов таких обращений к проблеме показывает, что организация выявления исторических памятников, постановка на учет вновь созданных памятников, их содержание и охрана постепенно налаживались. В 1960 г. на учет стояло 336 памятников культуры, истории, археологии, архитектуры и искусства, из которых 31 памятник как «наиболее ценный принят под государственную охрану», а остальные — под охрану местного значения [7, л. 88].

Список источников и литературы

1. Иванов Ю.Н. Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни : роман. Калининград, 2006.
2. История войн XX века в памятниках их участникам. М., 2009.
3. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление СМ СССР от 14 октября 1948 г. №3898. URL: <http://art-con.ru/node/354> (дата обращения: 19.10.2015).
4. Объекты культурного наследия Калининградской области. Иллюстрированный каталог. М., 2013.
5. Письмо заместителя председателя облисполкома В. Кролевского секретарю обкома ВКП (б) В.В. Щербакову от 18.12.1949 г. // Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.
6. Об охране разобранного бронзового памятника, стоявшего на Университетской площади Ленинградского района : решение исполкома Калининградского городского совета депутатов трудящихся от 3 августа 1950 года №407 // ГАКО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 198.

7. О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в области : решение исполкома Калининградского областного совета депутатов трудящихся от 21 октября 1960 г. №645 // ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.

8. Об учете, паспортизации и охране исторических и археологических памятников, памятников истории и архитектуры : решение облисполкома от 24 февраля 1950 г. №196 // ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.

9. Список памятников культуры общесоюзного и республиканского значения, выявленных в Калининградской области от 24 февраля 1950 г. // ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 221.

10. *Schmidtke M.* Königsberg in Preussen: Personen und Ereignisse 1255–1945 im Bild. Husum, 1997.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: gvketinin@gmail.com

About the author

Prof. Gennady Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: gvketinin@gmail.com